

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ФИЛИМОНОВ
Евгений Геннадьевич

**ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ МОНОФТОНГИЗАЦИЯ
И ЕЕ СЛЕДЫ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Специальность 10.02.14 —
Классическая филология
византийская и новогреческая филология**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Санкт-Петербург
2006

Диссертация выполнена на кафедре классической филологии
Филологического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Юрий Владимирович Откупщиков

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, чл.-корр. РАН
Николай Николаевич Казанский

кандидат филологических наук, доц.
Светлана Юрьевна Крицкая

Ведущая организация: Томский государственный университет

Защита состоится 2006 г. в часов на заседании
диссертационного совета Д.212.232.23 по защите диссертаций на соискание ученой
степени доктора филологических наук при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу: 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,
Филологический факультет, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, г. Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан « » 2006 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

П. А. Скрелин

Цель настоящего исследования — доказать существование древней монофтонгизации, произошедшей еще в индоевропейском праязыке, следы (результаты) которой сохранились как в латинском, так и в других индоевропейских языках в виде долгих монофтонгов \bar{i} и \bar{u} , чередующихся либо находящихся в отношениях свободного варьирования с давшими их исконными дифтонгами. Для достижения указанной цели предполагается постановка и решение ряда частных *задач*: 1) исследование на широком индоевропейском фоне тех долгих латинских монофтонгов \bar{i} и \bar{u} , которые не могли возникнуть вследствие поздних собственно латинских фонетических процессов и которым в других индоевропейских языках соответствуют как долгий гласный, так и дифтонг; 2) установление возможных причин предполагаемой древней монофтонгизации и ее роли в судьбе индоевропейского вокализма; 3) исследование внутренней механики и типологии процессов монофтонгизации; 4) установление особого характера монофтонгизации как нерегулярного фонетического изменения; 5) решение трудных вопросов, связанных с протеканием монофтонгизации в истории латинского и праславянского языков.

Объектом исследования является тот слой материала, который, во-первых, дает возможность сопоставить долгие латинские монофтонги \bar{i} и \bar{u} с соответствующими долгими гласными других индоевропейских языков, а во-вторых, указывает на общее дифтонгическое прошлое всех этих звуков. Материал был взят в основном из словаря Ю. Покорного (Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I, Bern, 1951—1959; II, Bern, 1962—1969) и других этимологических словарей различных индоевропейских языков.

Предметом исследования являются те долгие латинские \bar{i} и \bar{u} , которые восходят к позднему периоду существования общеиндоевропейского праязыка, когда в последнем уже существовали и долгие, и краткие гласные в том виде, в каком мы можем восстановить их по данным сохранившихся индоевропейских языков на основе убедительных соответствий. При этом возможно объяснение происхождения некоторых индоевропейских долгих гласных как возникших в целом ряде индоевропейских языков вследствие общей фонетической инновации, а именно — монофтонгизации.

Метод внутренней реконструкции оказывается недостаточным для решения сформулированных выше задач. Иногда без привлечения соответствий из родственных индоевропейских языков, то есть используя только метод внутренней реконструкции, невозможно точно установить, например, является ли долгий монофтонг следствием латинской монофтонгизации III—II вв. до н. э. или наследием более отдаленного прошлого. Дело в том, что даже древнейшие памятники латинской письменности не всегда дают нам формы всех необходимых слов. Например, для выяснения происхождения корневого монофтонга глагола *scribō* ‘пишу’ недостаточно собственно латинских источников. Приходится прибегать к свидетельствам родственных языков, что, при отсутствии внутрилатинских древних форм этого слова, выглядит, естественно, не так убедительно. А. Эрну, доказывая, что *ī* в *scribō* «могла быть всегда долгой в латинском языке», приводит в качестве аргумента осское и древнегреческое соответствия: оск. *scriftas* ‘scriptae’, греч. *σκαρῖφάομαι* ‘царапаю’ (между тем лит. жем. *skriēbti* ‘чертить’ показывает ошибочность вывода А. Эрну). Идеальный вариант, позволяющий надежнее всего идентифицировать нужную нам долготу гласного, встречается в тех случаях, когда данные внутренней реконструкции подтверждаются выводами, полученными сравнительно-историческим методом.

Без постоянного обращения к сопоставлениям из родственных индоевропейских языков невозможно часто не только сделать какие-либо предварительные выводы, но и вообще достаточно уверенно двигаться внутри латинского материала, делая предварительный отбор надежного материала для последующего анализа. Поэтому в работе представлено постоянное сочетание метода внутренней реконструкции и сравнительно-исторического метода. Удельный вес и надежность выводов того и другого в целом определяют обоснованность заключений в каждом конкретном случае.

Актуальность исследования. Попытка объяснить возникновение ряда долгих гласных в индоевропейских языках посредством праиндоевропейской монофтонгизации уже предпринималась В. Шмолстигом (Schmalstieg W. R. New thoughts on Indo-European phonology. // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 87, 1973, p.99—157.).

Однако его гипотеза оказалась малопопулярной среди индоевропеистов и до сих пор незаслуженно остается на периферии индоевропеистики. Причиной этого стало то, что большинство индоевропеистов стремятся почти все трудные проблемы реконструкции решить при помощи весьма популярных ларингальных гипотез, отвергая иные способы объяснения фактов. При этом ряд объяснений, привлекающих ту или иную ларингальную гипотезу, не обладают безусловной доказательной силой. Кроме того, сама гипотеза В. Шмолстига содержит серьезные недостатки. Предлагаемая В. Шмолстигом аргументация основывается только на избранных, специально подобранных примерах, идеально соответствующих общим положениям доказываемой им гипотезы, что схематизирует реальную языковую картину. Недостаточно внимания ученые, занимающиеся монофтонгизационными процессами, уделяли специфике самого процесса монофтонгизации и типологии монофтонгизационных процессов в различных языках. Все это делает настоящее исследование актуальным как для индоевропейского языкознания, так и для типологии фонетических изменений в целом.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Поскольку латинским долгим гласным \bar{i} и \bar{u} , которые возникли еще в доисторическую эпоху развития латинского языка, в других индоевропейских языках соответствуют как долгий гласный, так и дифтонг, эти долгие гласные в латинском и других индоевропейских языках могут быть объяснены как возникшие в результате древней монофтонгизации, охватившей если не все, то большую часть диалектов праиндоевропейского языка.

2. Праиндоевропейская монофтонгизация имела непоследовательный характер и произошла не во всех словах, содержащих дифтонг в таутосиллабической позиции.

3. Монофтонгизация вместе с диссимиляцией, ассимиляцией, метатезой и синкопой представляет группу нерегулярных (непоследовательных, нестрогих) фонетических изменений. Причины монофтонгизационных процессов могут быть поняты только после комплексного изучения и составления типологии фонетических изменений нерегулярного типа.

4. Процесс монофтонгизации представляет собой последовательность ассимилятивных воздействий одного элемента дифтонга на другой в ходе

обособления их артикуляции, наступающего в результате нарушения артикуляторного равновесия внутри дифтонга. Причем по мере ассимилятивного сближения артикуляции уже независимых элементов бывшего дифтонга действует тенденция к объединению их самостоятельной артикуляции в новое дифтонгическое звучание (см. пример на с. 14 автореферата диссертации).

5. Монофтонгизация является результатом реализации в языке новой модели слога, воплощающего структуру восходящего звучности. Эта ориентация на открытость слога могла приводить как к монофтонгизации, так и к метатезе — двум конкурирующим способам реализации структуры восходящей звучности в слоге (см. примеры на с. 11—13 автореферата диссертации).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка научной литературы, использованной в исследовании.

Содержание работы.

Во **введении** ставится проблема исследования, возможные пути и методы ее решения. Проблематика происхождения долгого вокализма индоевропейских языков не затрагивается в данной работе уже хотя бы по соображениям хронологии. Исследуемое в ней явление монофтонгизации принадлежит эпохе позднего индоевропейского праязыка и носит непоследовательный, возможно, диалектный характер, относясь к так называемым «нестрогим», (нерегулярным) фонетическим законам. Поэтому вопросы, связанные с возникновением, становлением и, в целом, предысторией индоевропейского вокализма, например, вопросы, поднимаемые ларингальной гипотезой, относятся к более ранней эпохе праиндоевропейского языка.

В научной литературе, посвященной вопросу происхождения долгих латинских гласных \bar{i} и \bar{u} , представлена традиционная схема. Например, М. Лойманн приводит латинские слова со «старым \bar{i} », т. е. исконным праиндоевропейским \bar{i} : «и.-е. \bar{i} остается в лат. как \bar{i} : $v\bar{i}s$ греч. $\bar{i}\varphi\iota$ ‘сильно’; $v\bar{i}vos$ оск. $bivos$ pl. ‘vivi’, др.-инд. $j\bar{i}vas$, лит. $g\bar{y}vas$, и.-е. $*g^w\bar{i}wos...$, и.-е. \bar{u} остается в лат. как $\bar{u}...$: $i\bar{u}s$ ‘похлебка’; $f\bar{u}mus$ др.-инд. $dh\bar{u}mas...$ » (Leumann 1977, 54).

Однако для этих слов со «старым \bar{i} » языковой материал дает возможность сделать различные выводы относительно происхождения долгого корневого

гласного: др.-инд. *váyaḥ* ‘жизненная сила’, *vésati* ‘работает, проявляет активность’ может в той же мере послужить доказательством дифтонгического происхождения *ī* в лат. *vīs* ‘сила’, как родственные этой форме др.-инд. *vīdayati* ‘делает прочно’ и греч. *ἰφι* ‘сильно’ служат доказательством его монофтонгического происхождения. Соответственно, можно считать *ū* в лат. *cūdo* ‘бью’ восходящим к *-ou- на основании сравнения с лит. *káuju* ‘бью’. Сравнение же лат. *cūdo* с лит. *kújis* ‘молот’ указывает на на долгий праиндоевропейский **ū*.

При наличии в родственных индоевропейских языках параллельных дифтонгальных и монофтонгальных форм наиболее взвешенным подходом представляется следующий: если латинская форма с долгим *ī* или *ū* в корне с самого начала своей фиксации (если только эта фиксация относится к достаточно раннему времени — до 150 г. до н. э.) последовательно передается на письме с помощью букв *i* и *u*, то возникновение этого долгого гласного следует отодвигать в глубокую предысторию латинского языка, а не в эпоху исторической монофтонгизации латинских дифтонгов начала II в. до н. э. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинству латинских слов, по терминологии М. Лойманна, «со старым *ī*» в родственных языках соответствует двойной ряд параллельных — дифтонгальных и монофтонгальных — форм. Например, лат. *vīvus* ‘живой’, лит. *gyvas* ‘живой’, др.-инд. *jīvaḥ* ‘живой’, оск. *biitam* (вин. п. ед. ч.) — лит. *gajūs* ‘легко заживающий’, др.-инд. *gayah* ‘жизнь’, др.-прусск. *geits* ‘хлеб’. Подобный параллелизм позволяет сделать вывод о наличии чередования *-ei-* / *-ī-* уже в рамках индоевропейского языка. Поскольку один из членов любого чередования должен быть исконным, а другой (другие) производным¹, необходимо предположить существование в индоевропейском языке некоего фонетического процесса, вызвавшего к жизни данное чередование.

¹ На деле оказывается все гораздо сложнее: например, в известном индоевропейском чередовании *-ei-* (*-oi-*) / *-ī-*, во-первых, трудно сказать, где производный, а где исконный член чередования, а во-вторых, нельзя исключить возможности, что члены такого чередования могут вообще не обнаруживать отношений взаимной производности, а восходить к иному, уже не существующему звуку.

Если встречается целый ряд форм с подобным чередованием, следует попытаться выяснить те фонетические условия, в которых они возникли, и причины, создавшие такие условия. Так, лат. *vīvus* уже в надписях, датируемых III в. до н. э., встречается написанным через *i*, а не через дифтонг, а следовательно, отражает долгое *ī* и не может быть рефлексом латинской монофтонгизации III—II вв. до н. э. С другой стороны, в родственных индоевропейских языках мы имеем формы от этого корня как с дифтонгом *ei*, так и с долгим *ī*. К примеру, лит. *gývas* ‘живой’ (← **g^hīuos*) и *gajùs* ‘легко заживающий’; др.-инд. *jīvati* ‘живет’ и *gayah* ‘средства к жизни’.

Трудность выявления фонетических условий, приведших к данному чередованию, наталкивает на мысль о спорадическом характере этого языкового явления. К тому же существуют дублиеты, различающиеся лишь этим чередованием, например: лит. *gaivùs* ‘живительный’ – лит. *gývas* ‘живой’. Именно поэтому использование ларингалов представляется в данном случае нецелесообразным. Во всяком случае, стремление предполагать существование ларингала в одном случае (*gývas* ← **g^hiHuos*) и отсутствие ларингала в другом (*gaivùs* ← **g^hoiūs*), представляющем собой явный дублет по отношению к первому, делает реконструкцию явно искусственной. Подобные примеры чередования дифтонга и долгого монофтонга можно продолжать, хотя таких случаев ограниченное количество. Ясно, что подобные цельнолексемные соответствия не могут быть случайностью, а отражают некую фонетическую инновацию в рамках праиндоевропейского. Сторонники ларингальных гипотез интерпретируют эти примеры с долгим монофтонгом и дифтонгом как чередование *нулевая ступень гласного корня + ларингал* с *полной ступенью*, представленной в виде дифтонга (**iH>ī : ei*, **uH>ū : eū*). Однако реконструкция, например, для лат. *vīta*, предполагающая сочетание *нулевая ступень гласного корня + ларингал* (**viHtā*), не вписывается в словообразовательные и аблаутные соотношения слов с данным корнем. В самом деле, если предполагать ларингал в форме с нулевой ступенью **viHtā*, то приходится объяснять отсутствие ларингала в таких случаях, как форма этого корня с *полной ступенью гласного*: др.-инд. *gayah* ‘средства к

жизни', лит. *gajùs* 'легко заживающий, живучий' и *gaivùs* 'живительный, бодрый', а также в таких формах с нулевой степенью корня, как греч. βίος 'жизнь'. Между тем такие варианты данного корня, как др.-инд. *gayah* 'средства к жизни' (← и.-е. **g^uoi-os*), ст.-слав. **жити** (← и.-е. **g^uei-ti*, ср. перегласовку *-oi-* в формах ст.-сл. **(из-)гон, гон-ти**, указывающих на чередование *e/o* в составе дифтонга), греч. βεῖομαι 'буду жить' и βίος 'жизнь' хорошо вписываются в известное индоевропейское чередование *-e/-o-* / *нуль* (*-ei/-oi-* / *нуль* в составе дифтонга). Если исходить из такого хорошо известного индоевропейским языкам чередования, то следует объяснить долгий монофтонг *ī* в данном случае таким образом, чтобы оно логически основывалось на одном из членов основного чередования в данном корне. Если мы наблюдаем какое-либо чередование, обычно один из членов данного чередования произведен, а другой исконен. Если отвлечься от сложного вопроса возникновения в праиндоевропейском языке основного чередования *-ei/-oi-* / *нуль*, то степень *-ī-* выглядит явно производной, но никак не оригинальной. В противном случае, считая степень *-ī-* в формах типа др.-инд. *jīvati* 'живет', лат. *vīta* 'жизнь', лит. *gyvas* 'живой' первоначальной, мы должны будем предполагать дальнейшее расщепление этой степени на *-ei-*, *-oi-*, то есть дифтонгизацию. Логически оправданной представляется идентификация долгого *-ī-* с рефлексом дифтонга *-ei-* (в специальных условиях *-oi-*), возникшим в результате монофтонгизации последнего.

Ларингальные построения ни хронологически, ни функционально не имеют отношения к рассматриваемой здесь проблеме. Даже если ларингалы и способны объяснить происхождение системы праиндоевропейских долгих гласных, объяснять их воздействием возникновение всех долгот в истории индоевропейских языков было бы чрезмерным увлечением. Зачастую даже сами ученые, в принципе не отвергающие ларингалистские построения, при обсуждении конкретных проблем вынуждены отзываться о них критически (*Schmalstieg* 1989, 67—73).

В главе I «К истории вопроса о процессах монофтонгизации в праиндоевропейском языке» представлена критика гипотез (прежде всего гипотезы В. Шмолстига), посвященных монофтонгизации в рамках

праиндоевропейского языка. Главное возражение В. Шмолстигу основывается на том, что в доказательство своей гипотезы В. Шмолстиг приводит только тридцать два примера соответствий между разными индоевропейскими языками, где представлены формы как с дифтонгом, так и с долгим гласным. Однако в действительности примеров, где происходит чередование дифтонгальной и монофтонгальной формы, гораздо больше. Предлагаемая В. Шмолстигом аргументация основывается, таким образом, только на избранных, специально подобранных примерах, идеально соответствующих положениям доказываемой им гипотезы. Поэтому идея В. Шмолстига остается в значительной степени декларативной. Он даже не упоминает о существовании спорных и далеко не очевидных случаев (типа *дышать* — *душа*, *вымя* — *удити*, лит. *jūšė* ‘уша’ — лит. *jaūti* ‘мешать’), где в одной и той же фонетической позиции (преконсонантной) выступают обе формы. Разумеется, приведение таких примеров значительно ослабило бы аргументацию, особенно если учесть, что подобных примеров подавляющее большинство. В этой главе приводятся основные положения гипотез Г. Остхофа, Р. Шмитта-Брандта, которые предполагают отчасти схожий с монофтонгизацией механизм возникновения долгих гласных, но не говорят о монофтонгизации как таковой.

В главе II «Следы древней праиндоевропейской монофтонгизации в латинском и других индоевропейских языках» приведен анализ более 200 примеров, где сосуществуют дифтонгальная и монофтонгальная формы (222 примера такого чередования в корне и несколько — в окончаниях и суффиксах). Список открывают примеры, обнаруженные В. Шмолстигом (№ 1—32). Однако если пример В. Шмолстига обычно ограничен сопоставлением двух-трех изолированных форм, в настоящей главе дан, по возможности, исчерпывающий материал для каждого примера с анализом соответствий из большинства индоевропейских языков. Затем следуют примеры автора настоящей работы. Например, для корня **roud-* — *rūd-* ‘красный, буланый’: укр. *руда* ‘руда; кровь’, лит. *raūdas* ‘буланый’, лтш. *rauds* ‘красный, рыжеватый, коричневый’, гот. *raufs* ‘красный’, греч. *ῥεῦδω* ‘краснею’, др.-инд. *róhitas* ‘красный’, *raudus* ‘медяк’ — лит. *rūda* ‘руда’, лтш. *rūdēt*, рус. *рыжеть* (ср. др.-рус. *рыжд-ый* < **rūd-ǵ-*, лат.

rūfus — с итальянским *f < dh*), *rūdera* мн. ч. ‘медяки’. В латинском имеем варианты (может быть, диалектные) *rūdus* и *raudus* ‘медяк’.

В результате анализа всех примеров делается вывод о том, что праиндоевропейская монофтонгизация имела характер не сплошного перехода одного звука в другой в определенных фонетических условиях (в духе младограмматического положения о безысключительности фонетических законов), а, скорее, характер варьирования исходной (дифтонгальной) и производной (монофтонгизированной) форм.

Такое варьирование (дифтонг / долгий гласный), возможно, служило цели восстановить утраченное равновесие звучания в слоге. Однако сам вопрос о том, что могло нарушать это гармоничное равновесие звучания в слоге и вызывать монофтонгизацию, остается без ответа. Ясно только, что одни индоевропейские языки в большей степени сохранили это варьирование (в них больше дублетных форм типа *стыд* — *студ*, *gāižė* ‘голова’ — лит. *gūžis* ‘голова’, монофтонгов и дифтонгов в преконсонантной позиции *душа* — *дышать*, лит. *braidyti* ‘постоянно бродить’ — лит. *brýdis* ‘брод’, др.-в.-н. *smeidar* ‘мастер по металлу’ — др.-в.-н. *smīda* ‘металл, украшение из металла’). Это балтийские, славянские и германские языки. Древнеиндийский, древнегреческий и латинский языки проявили бóльшую последовательность в ходе монофтонгизации. В них распределение дифтонгальных и монофтонгизированных форм в целом соответствует условиям, описанным В. Шмолстигом.

В данной главе предлагается также объяснение происхождения ряда слов с основой на дифтонг. Это объяснение основывается на предположении метатезы гласного и согласного в рамках закрытого слога, вызванной переориентацией языка на модель открытого слога, тенденцией слога к реализации структуры восходящей звучности. В этом случае и.-е. **djeus* (либо **djēus*) может быть объяснено как результат метатезы первоначального вида корня **dei- > *dje-* (либо **djē-*). Таким образом, лат. *diēs* ‘день’ — метатезная форма от находящегося на полной ступени вокализма корня **deis > *djēs* (долгота часто сопровождает метатезу, напр. в истории южнославянских языков **deruos > ст.-сл. дрѣво, ср. лит. dervà* ‘сосна’) $>$ [*dijēs*] по закону Сиверса—Эджертона. Первоначальный вид корня с

суффиксальным *-u-* **dei-u-o-s* сохранился без изменений в др.-лат. *deivos* ‘божество’ (с дальнейшей монофтонгизацией в *dīvus*), в то время как атематический вариант этой формы **dei-u-s* дал метатезную форму **djeus*, откуда (с дальнейшей монофтонгизацией в *diūs* [*dijūs*]) *nu-diūs-tertius*, греч. Ζεύς, скр. *Dyaus*.

Соответственно название журавля следует возводить к первоначальному виду корня *ger-*, который с суффиксальным *-u-* сохранился в лит. *gėrvė* ‘журавль’, в производных с суффиксальным *-n-* первоначальное состояние корня отражает лит. *garnỹs* ‘аист’, в то время как *-a-* в кимр. *garan* ‘журавль’ и греч. γέρανος ‘журавль’ можно трактовать либо как эпентезу, позволяющую закрытому слогу открыться, либо как часть суффиксального *-an-*. Наконец, лат. *grūs* является метатезной формой, восходящей к **ger-u-os* (**ger-u-os* > с синкопой гласного в конечном слоге **ger-u-s* > **gre-u-s* > *grūs*).

При данном объяснении отпадает необходимость реконструировать громоздкие трехсложные архетипы (типа **dejeuos*, **dejenis*, **geroues*), а затем предполагать большое количество синкоп, чтобы таким сложным искусственным путем свести их к реальным др.-лат. *deivos*, ст.-слав. дѣнь и лат. *grūs*.

При этом метатеза происходит не во всех случаях, где возникает необходимость устранить закрытый слог (*gėrvė* ‘журавль’, *garnỹs* ‘аист’), демонстрируя непоследовательность, в целом характерную для таких нерегулярных фонетических процессов, как монофтонгизация, ассимиляция, диссимиляция и синкопа.

С помощью метатезы и монофтонгизации можно объяснить ряд нетипичных с точки зрения классического индоевропейского аблаута чередований в различных индоевропейских языках. Кроме форм, отражающих как древний дифтонг, так и произошедший из него в результате монофтонгизации долгий гласный: **heul-*, **houl-* — **hūl-* ‘хулить; хвалить’: рус. *хула*, *хулить*, др.-чеш. *chúlost* ‘стыд’, *chuliti* ‘наклонять’, *chúlostivý* ‘слабый, малодушный, стыдливый’ — рус. *хилый* (<**hūl-os*), диал. *похилый* ‘наклонный, согнутый’, чеш. *chýliti* ‘наклонять’, *хинить* ‘хулить,

осуждать, порицать’, серб.-цсл. *хынити* ‘обманывать’, встречается также форма *хвала*, возникшая путем метатезы.

Фонетически *хвала* относится к *хула* точно так же, как лит. *dvasià* ‘дух’ относится к рус. *душа*, и относится к *хинить* ‘хулить, осуждать, порицать’ точно так же, как рус. диал. *двохатъ* ‘тяжело дышать, запыхаться’ относится к *дышать*. Можно предположить для *хвала* развитие **houlā* > **houlā* > **huōlā* > *хвала*. Очевидно, что эта метатеза была факультативным фонетическим изменением, если возникшие в праславянском дублеты **huōlā* и **houlā*, какое-то время существуя параллельно, послужили закреплению за каждым из них антонимичных значений.

Чередование **ued-*, **uod-* — **ūd-* ‘вода, водяное животное’: фриг. βεδυ ‘вода’, рус. *вода*, гот. *watō*, лит. *vanduō* (вероятно, с вторичной назализацией) — лит. *údra* ‘выдра’, рус. *выдра*, греч. ὕδρα ‘водяная змея’, лат. *lūtra* (<**ūtra* под влиянием *lutum* ‘тина, ил’) ‘речная выдра’. Как и в предыдущих примерах, можно предположить, что **ued-*, **uod-* являются метатезными формами, возникшими из **eud-*, **oud-*. Первоначальное **oud-* сохранилось в др.-инд. *ódman-* ‘поток’.

Если учесть важность метатезы (иногда синкопы) для объяснения приведенных выше примеров, то можно будет “уточнить” название статьи В. Шмолстига “Монофтонгизация правдоподобнее, чем ларингалы” (*Schmalstieg* 1989) следующим образом: монофтонгизация, метатеза, синкопа (и другие нерегулярные фонетические изменения, например, ассимиляция и диссимиляция) правдоподобнее, чем ларингалы. Опасность заключается в абсолютизации механического действия какого-то одного фонетического закона (не так уж важно, будем ли мы считать таковым падение ларингалов или монофтонгизацию дифтонгов), в отсутствии понимания причин, направивших развитие языка в сторону той или иной фонетической тенденции. Поэтому заведомо ошибочным было бы объяснять все рассмотренные выше факты как следствие какого-то одного фонетического явления. Если даже видеть в приведенных выше примерах следы древней монофтонгизации, то почти наверняка можно сказать, что это следы не одномоментного фонетического сдвига в определенную эпоху и.-е. праязыка, а следы нескольких монофтонгизационных волн, обрушивавшихся на праязык (либо порождавшихся в его недрах) на протяжении нескольких столетий.

В главе III «Механика и типология монофтонгизационных процессов» исследуется внутренняя механика монофтонгизационного процесса. Процесс монофтонгизации представляет собой последовательность ассимилятивных воздействий одного элемента дифтонга на другой в ходе обособления их артикуляции, наступающего в результате нарушения артикуляторного равновесия внутри дифтонга. Причем по мере ассимилятивного сближения артикуляции уже независимых элементов бывшего дифтонга действует тенденция к объединению их самостоятельной артикуляции в новое дифтонгическое звучание. Например, во время перехода *-au-* в *-ū-* можно предположить следующие этапы: **occlaudō > occlāudō > *occlēudō > *occleudō > *occloudō > *occlōdō > occlūdō*. Дифтонг *-au-* проходит стадию полной самостоятельности элементов *-āu-*, где *-ā-* изменяется в срединном закрытом слоге в *-ē-*, подобно изменению *-ā- > -ē-* в *perfectus* (< **perfactus*). Однако последующая эволюция **occlēudō > occlūdō* показывает, что сочетание *-ēu-* совпало с дифтонгом *-eu-* и полностью повторило его судьбу. Приведенный пример указывает на то, что относительная самостоятельность элементов дифтонга в процессе его монофтонгизации может колебаться — от полного распада на самостоятельные элементы до их воссоединения в новое артикуляторное единство дифтонгического характера. В процессе монофтонгизации дифтонга *au* действуют две противодействующие силы, вместе обеспечивающие монофтонгизационный эффект. Сила, ведущая к нарушению единства дифтонга и к обособлению составляющих его элементов, с одной стороны. С другой стороны, это тенденция к гармоничному сочетанию гласного и сонанта в рамках дифтонга. Если бы не было последней силы, влияющей на эволюцию дифтонгов, их монофтонгизация не занимала бы столько времени (иногда она тянется несколько веков; ср. историю монофтонгизации дифтонга *ai*, длившейся примерно пять веков (с III в до н. э. по II в. н. э.)), не содержала бы столько промежуточных звеньев, многие из которых засвидетельствованы, и не давала бы столько вариантов рефлексов, отражающих различные этапы монофтонгизации — как в разных диалектах одного языка, так и внутри одной фонетической системы. Анализ последовательных стадий механизма монофтонгизации привел к выводу о том, что монофтонгизация является

результатом реализации в языке новой модели слога, воплощающего структуру восходящего звучности. Эта ориентация на открытость слога могла приводить как к монофтонгизации, так и к метатезе — двум различным способам реализации структуры восходящей звучности в слоге.

В главе IV «Проблемы интерпретации монофтонгизационных процессов в истории латинского и праславянского языков» рассматриваются проблемы, связанные с монофтонгизационными процессами, произошедшими уже в историческую эпоху существования латинского (III—II вв. до н. э.) и в доисторическую эпоху праславянского языка. Было бы бессмысленно дублировать настоящей главой соответствующий раздел исторической фонетики латинского и праславянского языков, поэтому здесь поднимаются либо до сих пор не решенные до конца, либо вовсе не рассматривавшиеся в научной литературе вопросы.

Особое внимание, уделенное праславянскому языку, объясняется не только типологическим сходством протекания и результатов монофтонгизации в латинском и праславянском языках, но, главным образом, тем обстоятельством, что памятники древнеславянской письменности в большинстве случаев не позволяют отграничить рефлексы праиндоевропейской и поздней собственно праславянской монофтонгизации. Трудности, связанные с установлением относительной хронологии рефлексов монофтонгизации для праславянского — проблемой, не поднимавшейся ни славистами, ни индоевропеистами (например, В. Шмолстиг даже не упоминает об этой проблеме в своих работах) — потребовали посвятить праславянскому языку особый раздел в рамках настоящей главы.

Процесс монофтонгизации в славянских языках не засвидетельствован памятниками письменности. Это допускает двойную интерпретацию долгого корневого *ī* в таких случаях, как **пѣти**, **жити**, который может быть результатом древней монофтонгизации еще в праиндоевропейскую эпоху, в пользу чего говорят лит. *pýti* ‘дарить молоко’, скр. *pīti-* ‘питье, глоток’, др.-инд. *jīvati* ‘живет’, лит. *gyvas* ‘живой’. Однако такие формы, как лит. *píenas* ‘молоко’, лит. *gaivùs* ‘живительный, бодрый’, указывают на то, что монофтонгизация в славянских словах должна была произойти уже во время отдельного существования славянских и балтийских языков, то есть в праславянский период.

Относительно дифтонга **ei*, некогда бывшего в корне слов **пити**, **жити**, невозможно сказать, в какую именно эпоху произошла монофтонгизация **ei > ī*. Результат первой общеславянской палатализации (шипящий рефлекс) был одинаков и перед дифтонгом, и перед долгим гласным. Возможно, что, как в литовском и в древнеиндийском языках, в праславянском часть форм, содержащих **ei*, монофтонгизировалась еще в праиндоевропейскую эпоху. Ср. лит. *pýti* ‘дарить молоко’, скр. *pītí-* ‘питье, глоток’, др.-инд. *jīvati* ‘живет’, лит. *gývas* ‘живой’, лит. *lýti* ‘идти (о дожде)’, лит. *dývas* ‘чудо’. Не подвергшиеся монофтонгизации в праиндоевропейскую эпоху формы законсервировались (др.-прусск. *geits* ‘хлеб’) либо слегка видоизменились (*píenas* ‘молоко’, лит. *líeti* ‘лить’, лит. *diēvas* ‘бог’) в прабалтийском языке. В праславянском и в древнеиндийском они подверглись окончательной монофтонгизации уже в эпоху самостоятельного существования этих языков (ст.-сл. **диво** ‘чудо’, др.-инд. *dēvāḥ* ‘бог’).

Следы праиндоевропейской монофтонгизации для праславянского языка выявить практически невозможно, так как ее рефлексы неотличимы от рефлексов более поздней собственно праславянской монофтонгизации. Ее существование подтверждается косвенным путем, в основном благодаря сопоставлению данных славянских языков с данными литовского и древнеиндийского языков. Например, рус. *гай* ‘крик галок, шум, гам’, др.-рус. *гаяти* ‘каркать (о вороне)’ сопоставляют с др.-инд. *gáyati*, *gáti* ‘поет’. Др.-инд. *gáti* позволяет реконструировать предшествующий вид корня **gē-*, возникший путем монофтонгизации из еще более древней формы **goi-*, сохранившейся в лит. *gaidỹs* ‘петух’, лит. жем. *gáida* ‘мелодия, нота’, в первой части рус. *жа-воронок* (<**gē-* < **goi-*). Ясно, что монофтонгизация **gē-* < **goi-* произошла еще в праиндоевропейскую эпоху до действия первой общеславянской палатализации, поскольку в праславянскую эпоху закономерно возникло бы **(d)zē-* (ср. ст.-сл. **зѣло** ‘очень’ < **goilo-* = лит. *gailūs* ‘резкий, едкий’). Ст.-сл. **рѣзати** соответствует лит. *rėžti* и *raĩžyti* ‘резать’. В латышском языке отражается ступень *ei*: (*g*)*riezt*. В древнегреческом языке, как в славянском и литовском, встречается рефлекс монофтонгизации **oi* — *ē*: др.-гр. *ῥήγνυμι* ‘разрываю’. Результат компенсаторного отпадения второго элемента в

дифтонге *oi видим в ст.-сл. **рѣзити**, словц. *raz* ‘характер, удар’, лит. *rúožas* ‘полоса’, др.-гр. ῥῶξ ‘трещина’.

Приведенные примеры не дают прямого свидетельства о древнем дифтонге, лишь указывая на чередование долгих гласных ē и ō, которое могло возникнуть еще в праиндоевропейскую эпоху как результат монофтонгизации дифтонга либо как результат компенсаторного удлинения первого элемента дифтонга.

Монофтонгизация в праславянском языке произошла достаточно последовательно. Поскольку предыдущая (праиндоевропейская) монофтонгизация, носила спорадический характер, это привело теперь к большому количеству дублетов, в меньшей степени в праславянском, в большей степени — в прабалтийском языке. Например, развитие дифтонгов *oi и *ou было следующим: *oi и *ou, которые не изменились в праиндоевропейскую эпоху, далее уже не подверглись монофтонгизации и отразились в литовском языке соответственно как ai (лит. *gaivùs* ‘бодрый’) и au (лит. *gaũžė* ‘голова’), что дало большое количество дублетов типа *gaũžė* — *gũžis* ‘голова’. Праславянская монофтонгизация, отличающаяся от прабалтийской в целом высокой регулярностью рефлексов, в отношении дифтонгов *oi и *ou характеризуется непоследовательностью результатов: *oi может давать как ī, так и ē (условия различия в рефлексации до сих пор до конца не выяснены). Для *ou характерна та же ситуация, что и в литовском языке: рус. *плыть* — **плѹти**, ст.-сл. **роҹда** (= лит. *rūda*) — **рыждѣ** (=лит. *raũdas* ‘буланый’). Подобное сосуществование форм с рефлексом древней монофтонгизации и без нее сохранилось и в лат. *raudus* — *rūdus* ‘медяк’.

В главе V «**Новые этимологические решения, основанные на гипотезе о праиндоевропейской монофтонгизации**» предлагаются новые этимологические решения трудных в этимологическом отношении слов — этимологии греч. κῆδος ‘слава’, лат. *līma* ‘напильник’, *prīmus* ‘первый’. При обосновании этимологии этих слов используется гипотеза о праиндоевропейской монофтонгизации.

В **заключении** формулируются основные выводы, сделанные в работе, а именно: более 200 исследованных примеров чередования дифтонга и долгого

гласного как в корневой, так и в некорневой части слова (флексии, суффиксе), служат аргументом в пользу гипотезы о праиндоевропейской монофтонгизации.

Обнаружение примеров с указанным чередованием в таких морфемах, как суффикс и флексия, выводит аргументацию (по сравнению с В. Шмолстигом) на существенно иной уровень. Ведь количество приведенных в работе фактов чередования в корне, хотя значительно превышает материал В. Шмолстига, насчитывая 222 примера, но все же составляет относительно небольшую часть по сравнению с общим количеством корней, фиксируемых индоевропейскими словарями. Наличие же монофтонгизации в суффиксах и флексиях говорит о принадлежности этого чередования открытому множеству слов, исчисляемому сотнями лексем. Однако спорадический характер отражения дифтонгов говорит о том, что монофтонгизация принадлежит, наряду с ассимиляцией, диссимиляцией, синкопой и метатезой, к числу нерегулярных фонетических изменений. Это заставило обратиться к исследованию внутреннего механизма монофтонгизационного процесса и его причин (глава III).

Анализ последовательных стадий механизма монофтонгизации привел к выводу о том, что монофтонгизация является результатом реализации в языке новой модели слога, воплощающего структуру восходящего звучности. Эта ориентация на открытость слога могла приводить как к монофтонгизации, так и к метатезе — двум различным способам реализации структуры восходящей звучности в слоге. В связи с тем, что степень автономности слоговой вершины и сонантического элемента в рамках дифтонга постоянно колеблется — от полной слитности звучания до разрушения единого дифтонгического звучания, в момент наибольшей автономизации элементов разрушающегося дифтонга возникал замыкаемый сонантом закрытый слог, в целях открытия которого использовалась монофтонгизация или метатеза.

Апробация работы:

По теме диссертации были сделаны доклады на заседании кафедры классической филологии в 1999 г., на аспирантском семинаре кафедры классической филологии в 2000, 2001, 2003 и 2006 годах, на Международной филологической конференции в Санкт-Петербурге в 1999, 2003 и 2005 годах, а также опубликованы следующие работы:

1. *Forum* и *fores*. Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 17. Секция классической филологии. СПб. 1999. С. 20—22.
2. О словообразовательной структуре лат. *vīta*. Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 12. Классическая филология СПб. 2003. С. 20—22.
3. О словообразовательной структуре лат. *dies*. Материалы XXXIV Международной филологической конференции. Вып. 7. Классическая филология СПб. 2005. С. 30—33.